Пикник в Семеновском (Отступление восьмое)

В середине мая отец предложил организовать «дружескую» встречу-пикник руководства страны с творческой интеллигенцией: писателями, поэтами, композиторами. Отец настроился на откровенный разговор. Он не сомневался, они делают одно дело, им одинаково близки трагедия сталинских времен и сегодняшние проблемы страны.

К сожалению, они не всегда понимали друг друга. Позволю себе повториться: отец, отвечавший за страну, заботился о ее будущем, разоблачая преступления недавнего прошлого, шел вперед и не собирался сходить с выбранного пути, но он одновременно не мог себе позволить утратить контроль над страной и обществом. Это привело бы к безвластию, хаосу и, в конечном счете, к катастрофе.

«Передовые» писатели и вся остальная «прогрессивная» публика, ощутив первое дуновение свободы, требовали для себя свободу без границ. Они не несли и не чувствовали никакой ответственности не только перед страной, но и перед самими собой, из самых лучших побуждений бросились разоблачать все и вся, немедленно и без каких-либо ограничений. Вот тут-то и возникало противоречие между ответственностью власти и безответственностью интеллигенции, никогда не жившей в условиях свободы ни при Сталине, ни при царях, отождествлявших ее со вседозволенностью, с анархией.

В свою очередь, тяготевшие к прошлому «реакционные» писатели, если пользоваться терминологией тех лет, тосковали по «хозяину». Еще вчера они были «его» писателями, сегодня стали «ничьими», не знали, для кого и как писать. Они жаждали возврата твердой руки, которая и защитит их, и премией одарит, а если потребуется – накажет. Они всей своей душой ненавидели своих «передовых» собратьев, которые платили им той же монетой. Обе группировки постоянно грызлись между собой, в каждой из них имелись свои вожди, свои экстремисты. И те и другие старались перетянуть отца на свою сторону. Одни призывали его снять все ограничения. Их оппоненты требовали, пока не поздно, закрутить гайки. На все это накладывались и личные, корыстные интересы. Вожди «первых» на волне перемен стремились захватить власть в творческих Союзах, «реакционеры» не желали ею делиться. По долгу службы и в силу давних российских традиций, отец не мог отмахнуться от их дрызг, ведь «поэт в России больше, чем поэт». Ему поневоле приходилось то и дело вмешиваться в перепалку сторон, лавировать в море писательских страстей, пытаясь нащупать верный путь, отступать и тут же выслушивать обвинения в возврате к сталинизму, а, сделав шаг вперед, наталкиваясь на ожесточенное сопротивление со стороны «консерваторов». Такой способ продвижения вперед называется методом проб и ошибок. Отцу приходилось нелегко, ведь именно он принимал решения и отвечал за них, но он сам, разоблачив преступления прошлого, избрал этот путь.

Напомню, что происходило в писательской среде той весной. В начале марта 1957 года на пленуме Московского отделения Союза писателей «С вредной речью выступил Дудин-

цев (я цитирую жалобу отцу, поступившую от партийного идеолога Шепилова. – С. Х.). Он все больше превращается в героя, но в героя борьбы с советской властью. Этого так оставлять нельзя. Одновременно идет шельмование писателей, стоящих на партийных позициях: Николая Грибачева, Семена Бабаевского, Александра Суркова, Леонида Соболева, пусть не самых талантливых, но людей, преданных партии и стране, патриотов. Им даже придумали обидное прозвище “лакировщики”».

Шепилов считал, что обстановка складывается взрывоопасная. Заколебались даже Федор Панферов и Александр Твардовский, следует принять немедленные жесткие меры. 11 мая 1957 года он переслал отцу еще одну записку, составленную по его поручению Отделом культуры ЦК, просил ознакомиться с ней до намеченной на 13 мая встречи «с виднейшими литераторами, членами правления Союза писателей СССР». 14 мая открывался пленум Правления Союза писателей, и «виднейшие литераторы» хотели сориентироваться, получить партийное напутствие.

Авторы записки предупреждали, что Дудинцев в своих «подрывных действиях против Советской власти не одинок, в ряде произведений, включенных в выпущенный в начале 1957 года второй сборник “Литературной Москвы” (члены редколлегии Эммануил Казакевич, Маргарита Алигер, Вениамин Каверин и другие), отражено стремление к односторонне-обличительному изображению жизни. В рассказе Александра Яшина “Рычаги” все коммунисты сельской партийной организации – люди бесчестные и лицемерные. Сюда же следует отнести рассказы Юрия Нагибина “Свет в окне” и Николая Жданова “Поездка на родину”, критиканско-фрондерскую статью драматурга Александра Крона, пьесу Александра Штейна “Гостиница Астория”, а в романе Галины Николаевой “Битва в пути” крикливо и истерично описывается история несправедливых арестов честных людей в 1949 году».

И так из строки в строку, с перечислением десятков фамилий. Вывод тот же: пока еще обстановка контролируется, следует принимать меры.

«Виднейших писателей» пригласили в ЦК в понедельник 13 мая после полудня, а утром того же дня отец принял главного редактора «Литературной газеты» писателя Всеволода Кочетова. Он прислал в ЦК письмо, в котором умолял отца о личной встрече. Шепилов настойчиво советовал поговорить с Кочетовым, он поможет Хрущеву сориентироваться в настроениях, царящих в писательской среде. Что сказал Хрущеву Кочетов, мы знаем в его собственном изложении.

– За последние годы положение в литературе складывается просто, я бы сказал, трагически. Это волнует нас, писателей-коммунистов, – Кочетов пошел в атаку с места в карьер и дальше жаловался на Дудинцева, на Алигер, на всех и вся. – Ходят слухи по поводу позиции в отношении к литературе. Якобы не надо ЦК вмешиваться в писательские дела. Они деморализуют и тормозят работу писателей. Подавляющее большинство писателей стоит на правильных позициях. Только какая-то кучка, до крайности активная, создает видимость массовости протеста против партийности литературы и умелыми, объединяющими действиями создает угрожающее положение в писательской организации. Она за размагничивание нашей литературы, – так сам Кочетов сформулировал суть своих претензий.

Отец слушал Кочетова внимательно. После венгерских событий, деструктивной роли «Кружка Петефи» он не мог себе позволить отмахнуться от настойчивых предостережений Шепилова, его Отдела культуры, главного редактора «Литературной газеты», но и с «мерами» не торопился.

Совещание с писателями в ЦК вел Шепилов, отец сидел молча, вопреки своей манере, ораторов не перебивал, внимательно слушал. Дмитрий Трофимович нервничал. Готовясь к встрече, он рассчитывал на другое поведение Хрущева. В заключение Шепилов попросил выступить Хрущева.

Отец встал, оглядел собравшихся, улыбнулся и начал говорить совсем не так, как советовали Шепилов с Кочетовым.

– Эту бумагу я для вида взял, – он показал аудитории подготовленную Шепиловым справку и отложил ее в сторону. – Я разрешу себе выступить без подготовки, без предварительно написанного текста и даже без конспекта, – продолжал отец, тем самым приглашая присутствовавших к откровенному разговору. Насколько он получился откровенным, не берусь судить, но, судя по стенограмме, писатели, не стесняясь, перебивали отца своими репликами, порой ставили его в затруднительное положение.

Отец поступил опрометчиво. Ему бы следовало по-сталински скупко обронить несколько слов, ни в коем случае не допускать панибратства ни в вопросах, ни в дискуссии, одним словом, держать дистанцию. Но отец – не Сталин, да и не хотел им быть. Он, не разыгрывая из себя небожителя, строил разговор по-хрущевски откровенно и на равных. Иначе он не умел и не хотел.

Писатели повели себя, как и ожидалось, в соответствии со своей групповой принадлежностью и в зависимости от совпадения произносимого отцом с их собственной позицией, «единственно правильной». Отец остался доволен встречей, он считал, что они поговорили по душам, он понял их, а они – его. Какое впечатление осталось у писателей, я не знаю, но на состоявшемся 14 мая пленуме Союза писателей недоразумений не возникло. По мнению Шепилова, он прошел успешно.

Тогда-то отцу и пришла в голову мысль пригласить весь писательский актив, а не одних функционеров, погулять на свежем воздухе, «пообедать» вместе, а заодно и поговорить, посоветоваться, как дальше жить.

В ближайшее воскресенье, 19 мая, собрались на «дальней» даче Сталина в Семеновском, примерно в ста километрах от Москвы, неподалеку от Бородино. Отец отправился туда с мамой, они взяли с собой Радугу с Алексеем Ивановичем, звали и меня, но я отказался: на носу окончание преддипломного семестра, все выходные я не отрывался от учебников. Сессии я привык сдавать на пятерки, возможность связанных с фамилией поблажек мне и в голову не приходила. И правильно. Профессора Энергетического института, во избежание кривотолков, «за фамилию» спрашивали поостроже. Так что собственных впечатлений от воскресенья в Семеновском у меня не сохранилось, зато попавшие туда литераторы все описали профессионально.

Приглашенных, вместе с семьями, набралось человек триста-четырееста. Сначала, разбившись на группки, гуляли по обширному поместью, желающие даже могли поудить рыбу в пруду. Обсуждали самые разные темы, от учреждения самостоятельного писательского Союза в Российской Федерации до личных гаражных проблем писателя Соболева. В обоих случаях отец пообещал посодействовать и посодействовал: уже в августе собрался оргкомитет Союза писателей РСФСР, тогда же и Леонид Соболев получил для своей «Победы» вожделенный гараж.

Этот гараж дорого обошелся Соболеву – на следующую пару лет стал притчей во языцех. Безгаражные писатели ему люто завидовали, завидовали, что именно он осмелился обратиться с гаражной просьбой к Хрущеву. А уж когда Соболева поставили во главе российских писателей, каких только собак на него не вешали – обвиняли его и в творческой импотенции, и в пресмыкательстве перед властью (как будто они сами не пресмыкались перед той же властью). Что же касается творчества, то судья тут читатель, а не собрат-писатель. Мне, как и многим другим, морские рассказы Соболева нравились. Отец их тоже читал с удовольствием. Жизнь моряков автор знал не понаслышке и описывал ее сочным «настоящим» языком. Читал же отец с разбором, и далеко не всякий писатель мог угодить его вкусу.

Не обошлось и без песен, запевалой выступал украинский композитор Константин Данькевич. Отец и еще пара десятков человек, собравшись в кружок, подтягивали, как могли.

Напевшись, перешли к танцам. Образовался круг, наиболее смелые, в основном из артистов, начали приплясывать и притопывать, зазывая присоединиться к ним остальных. Они даже отца втянули в круг, но ненадолго, прихлопывая в такт в ладоши, отец потопал немного и незаметно отступил в сторону.

Нагулявшись, пообедали. Столы расставили на лужайке под натянутыми от солнца полотняными тентами. Произносились серьезные политические тосты, чокались, правда, в бокалы наливали сок – по случаю жаркой погоды отец распорядился спиртного не подавать. Тосты перемежались шутками, то и дело завязывались дискуссии. Отец выступал четыре раза, его засыпали вопросами, он, как мог, отвечал – порой, на мой взгляд, не очень удачно.

Обстановка, как и планировал отец, сложилась неформальная, но совсем не такая, как он надеялся. Писатели – не агрономы, не строители и не ракетчики, и такие массовые сборища творческой публики ничего хорошего организаторам не сулили. Каждый из приглашенных, естественно, почитал себя не ровней остальным, а уж о так называемом «президиуме» и говорить нечего. Выступления писатели выслушивали внимательно, главным образом лоя «ляпы», чтобы потом в деталях пересказать друзьям при очередном застолье в Доме литераторов или ресторане «Прага». Позднее, когда цензура поослабла, эти застольные анекдоты переключались в книги мемуаров.

От застолья в памяти писателей сохранилась неприятная стычка отца с поэтессой Маргаритой Алигер. Алигер отец не знал и стихи ее вряд ли читал, но почему-то ее невзлюбил Шепилов, нажаловался отцу, что она якобы организует у нас что-то наподобие «Кружка Петефи». Отец поверил Шепилову и попытался приструнить поэтессу. Вышло коряво, на следующей неделе ему пришлось извиняться.

Еще запомнилась писателям старая большевичка, глуховатая писательница Мариэтта Шагинян. Пробившись в разгар произнесения речей к руководству, расположившемуся за отдельным столом, лицом ко всем остальным, она перебила отца на полуслове, ткнула ему под нос свой слуховой рожок и, как все глухие, закричала: «Скажите мне, почему в Армении нет масла?»

Отец с удивлением уставился на Шагинян, он лучше нее знал, что в стране с маслом туго, на следующей неделе собирался говорить о мясо-молочной проблеме в Ленинграде на зональном совещании аграрников, но как конкретно обстоят дела с маслом в Армении, он понятия не имел. Отшутиться не получилось, Шагинян его или не слышала, или не слушала, совала свой рожок под самый нос и твердила: «Почему в Армении, как я туда ни приеду, нет масла?»⁴⁰ Отец попытался переадресовать ее к Микояну, но безуспешно. Получилось глупо и неприятно. Вот, собственно, и все, что я знаю о пикнике в Семеновском.

В общем, ничего хорошего не получилось. Отец и сам это ощущал. Когда Шепилов (в середине мая он еще твердо ставил на отца) предложил скомпоновать из его выступлений на совещании в ЦК и в Семеновском отдельную брошюру и издать ее массовым тиражом, отец отказался.

– Не думаю, – протянул отец, – разговор шел сумбурно, и вряд ли публикация принесет пользу.

Шепилов настаивал, но отец на уговоры не поддавался.

«Пикник» в Семеновском не заслуживал бы особого упоминания, если бы речь велась только о писателях, куда более важно, что эта встреча окончательно сплотила противников отца в Президиуме ЦК, подтолкнула их к действиям. Сами писатели Молотова и иже с ним мало интересовали, а вот антисталинские высказывания отца в компании людей, по их мнению не очень благонадежных, казались им абсолютно недопустимыми.

⁴⁰ Стенограммы свидетельствуют, что вопрос о масле Шагинян задала отцу не в Семеновском, а на совещании в Кремле 13 мая.

«Прежде всего Хрущев пытался “разжевать” для художников, писателей и артистов многое из того, что он говорил о культе личности Сталина на XX съезде партии... – пишет Каганович. – Надо сказать, что “жареные” места некоторая часть аудитории восприняла как приятное блюдо, за которое они готовы были выдать ему даже звание “лауреата по изящной словесности”. Когда Хрущев подчеркнул виновность руководителей ЦК, а именно Молотова в зажиме русской литературы и искусства, писатель Соболев совсем вышел из берегов и как моряк дошел чуть ли не до “морского загиба”. Нападение Хрущева на члена Президиума ЦК Молотова в среде беспартийной интеллигенции было из ряда вон выходящим фактом... У большинства это вызвало не только замешательство, но и недовольство, не говоря уже о присутствовавших руководящих партийных кадрах».

Последние слова Кагановича требуют пояснения. Взаимная антипатия Молотова и отца к тому времени стала притчей во языцех. Кто-то из писателей не удержался, задал вопрос, отец в свою очередь не сдержался, ответил, как думал. Молотов, а с ним и все его союзники, возмутились, о разногласиях в высшем руководстве страны тогда не говорили, сама возможность таких разногласий считалась крамолой. Даже в своей среде ограничивались иносказаниями, намеками, а тут отец выдал все открытым текстом – и кому? Каким-то писателям и композиторам! Молотов с Кагановичем просто кипели от возмущения.

Оппозиционеры там же, в Семеновском, договорились на следующий день собраться у Булганина в Кремле. 20 мая в кабинет Председателя Совета Министров СССР пришли Молотов, Каганович, Маленков и ранее державшийся особняком Первухин. Он наконец поддался на уговоры, в случае победы ему пообещали вернуть его председательское кресло в Госплане. Сабурова к Булганину не позвали. На встречу с писателями он тоже не приехал, отговорился тем, что накануне вечером вернулся из Праги с переговоров об экономическом сотрудничестве с Чехословакией и все воскресенье отсыпался. Решили обойтись без Сабурова, тем более что, несмотря на неопределенность своего положения, открытых столкновений с отцом он избегал, в их препирательствах с Молотовым подчеркнуто держал нейтралитет. Ворошилов тоже отсутствовал, он продолжал свое азиатское турне, только что переехал из Китая в Индонезию.

20 мая оппозиция Хрущеву начала принимать организованную форму. Молотов, Каганович, Маленков, Булганин и Первухин в принципе пришли к согласию, что пора избавиться от отца. Его собирались передвинуть в министры сельского хозяйства. Распихал же он всех их по третьеразрядным министерствам, теперь пришел его черед. Тогда же вчерне договорились о перераспределении ролей. Вместо Хрущева в первые секретари ЦК прочили Молотова. Сулова решили назначить министром культуры, а во главе КГБ, вместо Серова, поставить Булганина, по совместительству. Ворошилов оставался при своих – Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Что получали Каганович с Маленковым – неизвестно, но они обязательно что-то получали. Итак, баланс сил в Президиуме ЦК перераспределился не в пользу отца. Перечисленные выше пять его полноправных членов плюс Ворошилов составляли оппозицию, они не сомневались, что Климент Ефремович примет их сторону, особенно когда узнает, на чью сторону склоняется большинство. Получалось шесть из одиннадцати. Чуть позже к инициативной группе присоединился и Сабуров. С ним поручили переговорить Первухину. Долго уговаривать Сабурова не пришлось. Узнав о раскладе сил в Президиуме, он присоединился к потенциальным победителям (покрывив душой, Первухин сказал Сабурову, что Ворошилов уже дал согласие). В успехе они больше не сомневались, шесть, а с Ворошиловым – семь, семь против четверых. С кандидатами в члены Президиума Жуковым, Шепиловым, Брежневым, Мухитдиновым и Шверником в мае не говорили, в их прохрущевской ориентации никто не сомневался, но и особого значения ей не придавали, ведь все они без права голоса.

Оставалось выбрать подходящий момент.

В повседневных хлопотах отец и не заметил, что новый кризис, один из серьезнейших за его карьеру, стоит на пороге.

Меня же занимали свои заботы, я готовился к свадьбе. Ее назначили на первые дни июня, сразу после экзаменов в институте. С моей будущей женой мы учились в одной группе. После свадьбы нам предстояло уехать, правда, не в путешествие, а на практику на один из приборостроительных заводов в Загорске (теперь Сергиев Посад).